

Игорь Нарский

Рец. на: M. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. 1504 S.*

Igor Narskiy

(South Urals State University, Russia)

Rec. ad op.: M. Hildermeier. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: Verlag C.H. Beck o HG, 2013. 1504 S.

Рецензируемую книгу нельзя отнести к историографическим неожиданностям. Фундаментальный труд объемом более 100 авторских листов, в который известный историк, профессор Гёттингенского университета Манфред Хильдермайер инвестировал восемь лет своей жизни, является продолжением не менее монументального обобщающего исследования по истории Советского Союза, увидевшего свет 15 годами раньше¹. Вместе с ним новая книга Хильдермайера образует, пожалуй, наиболее полное систематическое монографическое изложение истории России от древности до конца XX столетия в международной историографии последних лет.

В этой связи представляется целесообразным, после ознакомления читателя с концепцией и общим содержанием труда немецкого историка, в самом общем виде сопоставить обе книги. Поскольку они носят обобщающий характер, можно ожидать, что такое сравнение позволит заметить некие тенденции не только в творчестве видного социального историка, но и в развитии международной историографии последних лет.

По признанию автора, книга, как это часто бывает, получилась иная, чем первоначально планировалось. Она должна была стать исследованием отношений России с Центральной и Западной Европой. Однако желание осуществить заду-

манное не в стиле истории дипломатии (и, добавлю, забегая вперед, новой культурной истории), а в духе структурной (социальной) истории, обогащенной историей материальной культуры, привело к созданию произведения, описывающего как развитие России с древнейших времён до октября 1917 г., так и современное состояние его изучения. Центральной для авторской постановки вопросов, как и задумывалось, является проблема российско-европейских отношений, с XVIII в. зачастую описываемая в терминах «русской отсталости». Повторюсь: в центре внимания Хильдермайера – не дипломатическая история, которая, впрочем, также систематически представлена в книге, а сходство и различия основных черт исторического развития России и Европы западнее Польши.

Для решения поставленных задач автор избрал комбинацию хронологического и проблемного структурирования текста. Книга разделена на шесть частей в соответствии с основными периодами российской истории до 1917 г., хронологические границы которых автор традиционно проводит по крупным историческим событиям и датам правлений. Каждая из частей содержит тематические блоки, посвященные внутренней и внешней политике, социальным структурам, экономике, материальной и духовной культуре.

* Хильдермайер М. История России. От Средневековья до Октябрьской революции. Мюнхен, 2013. 1504 с.

Первая часть (S. 31–124) посвящена Киевской Руси с IX в. по 1240 г. В ней автор пытается осторожно освободить проблему особенностей древнейшей истории восточных славян от наслоений раннего русского национализма XIX в., в рамках которого киевский период русской истории резко противопоставлялся московскому. Автор признаёт тенденцию к трансформации русского государства из торгового в сельскохозяйственное в рамках киевского периода, тем самым солидаризируясь с выводами современных исследований о нецелесообразности переоценки радикальности разрыва социально-экономической преемственности развития вследствие монголо-татарского нашествия. Однако в области политического строя золотоордынский период знаменовал беспрецедентную цезуру.

Во второй части – «Монгольское господство и подъём Москвы (1240–1533)» (S. 125–225) очерчиваются основные события и процессы русской истории данного периода, а также различные модели её интерпретации. Автор демонтирует сложившиеся в XIX в. в российской общественной мысли и историографии интерпретационные клише, в том числе представление о «монгольском» и «византийском» наследии, которое превратилось в ключевую толковательную матрицу российской истории, пережившую новый расцвет в эпоху холодной войны. Вслед за исследованиями последних десятилетий Хильдермайер делает вывод о том, что монгольское вмешательство поддержало наметившиеся ранее тенденции развития и до последней трети XVII в. отложило поворот России к Европе.

Третья часть книги посвящена истории Московского царства 1533–1689 гг. (S. 235–404). Относительно ключевого этапа этого исторического периода – правления Ивана Грозного – Хильдермайер, вопреки преобладавшему в дореволюционной и советской историографии толкованию опричнины как явления, которое способствовало формированию централизованного государства, придерживается мнения, что опричный террор был следствием соединения клинической мании преследования Ивана IV с его неограниченной властью и самодержавным

самосознанием. Комбинация этих факторов вела к кровавому террору с садистическими обертонами, а не к формированию новой государственности и дворянской элиты. В этой части книги автор не выпускает из виду и главный интересующий его вопрос – об отношениях России с Европой. Они, по его убеждению, оставались амбивалентными и колебались между поисками контактов и желанием сохранить дистанцию, готовностью перенимать технические и естественнонаучные навыки, но сдерживать европейские культурные влияния. Эта амбивалентность, воплощённая, помимо прочего, в глубоком расколе светской и духовной элиты, сформировалась в Московском царстве и, считает автор, не только существовала вплоть до крушения царской империи в 1917 г., но сохранилась и в Новейшей истории России.

В четвёртой части книги, в соответствии с её названием, освещаются «абсолютизм, просвещённые реформы и развитие имперской власти» в 1689–1796 гг. (S. 405–694). В интерпретации этого периода Хильдермайер с оговорками следует наметившейся в международной историографии в последние десятилетия тенденции более трезво оценивать заслуги Петра I и Екатерины II. Первый российский император представляется в значительной степени не революционным новатором, а продолжателем начинаний своих предшественников и старой элиты. Автор удачно пользуется скульптурными образами Петра I, созданными Э.М. Фальконе и М.М. Шемякиным, чтобы сделать наглядными перемены в трактовке Петра Великого историографическим цехом. В итоге Хильдермайер всё же склоняется к интерпретации Петра I как смелого реформатора, запечатлённого в образе всадника на вздыбленном коне, а не неподвижно сидящего деспота с непропорционально массивным телом, длинными, как лапы паука, руками и крошечной головой, – самодержца, плёткой загнавшего подданных в европейское Новое время.

В отношении эпохи Екатерины II автор солидаризируется с поворотом в её интерпретации, наметившимся в контексте поисков российскими историками оте-

чественного «либерального прошлого» и подъёмом интеллектуальной истории. Пафос «разоблачения» контраста между словами и делами императрицы справедливо сменился признанием плодотворности её реформ в длительной перспективе. В XIX в. многие из её начинаний наполнились реальным содержанием, в том числе в ходе земской и городской реформ 1864 и 1870 гг. Отношения России с Европой в XVIII в. характеризовались открытием России навстречу европейскому опыту и превращением Российской империи, наряду с Пруссией, в европейскую державу и главную умирительницу наполеоновской Франции. По мнению Хильдермайера, главными факторами стремительных успехов России стали одержимость российских правителей и элиты идеей преодоления русской отсталости, непримиримость русских крестьян-солдат и способность российских правящих кругов и населения приспособиться к потребностям перманентной войны.

Пятая часть монографии посвящена российской истории между правлениями Екатерины II и Александра II. По мнению М. Хильдермайера, этот период, особенно «короткая» первая половина XIX в. после 1814 г., заслуживает значительно большего внимания и более тонкой интерпретации, чем обычного взгляда на него как на интермеццо между двумя эпохами реформ. Именно этот период, полагает автор, является ключом к пониманию состояния поздней Российской империи в десятилетия между «великими реформами» и революцией 1917 г. Деятельность Александра I и Николая I, в соответствии с исследованиями последних десятилетий, автор освобождает от устоявшихся клише – например, от противопоставления первого, либерального, и второго, консервативного периодов правления Александра I или от представления Николая I узколобым консерватором. Александр I был осторожен в отношении либеральных преобразований и до 1812 г., а в годы консервативно-мистического поворота не был чужд реформаторству. Его же преемник не заслуживает исключительно негативной оценки: Николай I проводил реформы, но специфическим образом, утаивая от общественности их подготов-

ку и не доверяя обществу участвовать в каких-либо переменах.

Главная тенденция в отношении с Европой запечатлена Хильдермайером в названии пятой части: «Половинчатые реформы и упущенное присоединение – от победителя к побеждённому». Консолидация «старых режимов» в конце XVIII в. перед лицом французской угрозы потерпела крах в последующие десятилетия на фоне триумфа нового национализма в Европе. Российская империя в середине XIX в. вновь оказалась на периферии Европы, воспринимаясь как воплощение отсталости – с деспотическим властителем наверху и бесправным населением внизу.

Периоду от «великих реформ» до революции 1917 г. посвящена последняя, самая объёмная часть книги (S. 879–1311). И не удивительно: история России 1855–1917 гг., наряду с историей сталинизма, в течение десятилетий приковывала к себе наибольшее внимание исследователей, в том числе и самого Хильдермайера, который сформировался и получил признание в Западной Германии и за её пределами благодаря крупным исследованиям о модернизации поздней Российской империи, о партии социалистов-революционеров и о российской революции².

Эпоху реформ Александра II историк по праву сравнивает с реформаторством Петра I, исходя из того, что «великие реформы» 1860–1870-х гг. были основаны на рискованном решении монархии разрушить один из краеугольных камней старого политического и социального порядка – крепостное право – вопреки противодействию старой элиты. Как и петровские реформы, преобразования Александра II основывались не только на убеждении в невозможности сохранить государство и общество в прежнем виде, но и на европейском опыте. Последствия реформ в относительно долгой перспективе – формирование современной промышленности, новых социальных структур, политических партий, смелые эксперименты в литературе, музыке и живописи – свидетельствовали о том, что Россия, особенно в начале XX в., сблизилась с Европой, как никогда прежде. Именно активное усвоение европейского опыта создало конфликты, которых империя, в конце концов, не

выдержала. Логично, что в этой части книги автор специально останавливается на дискуссии вокруг применимости модели «отсталости» к позднеимперской истории России (S. 1130–1156) и подчёркивает, что в том, виде, в каком она была предложена А. Гершенкроном более полувека назад, она исчерпала свой познавательный потенциал. Хильдермайер осторожно присоединяется к предложению обозначать Российскую империю, которая в последние десятилетия своего существования не может быть отнесена ни к «отсталым», ни к «развитым» странам, как «страну на пороге» (Schwellenland).

В «Заключении» (S. 1314–1346) Хильдермайер вновь возвращается к центральной для его исследования проблеме российской «отсталости» и отношений России с Европой. Тема отсталости России, по его мнению, в последние десятилетия утратила былую остроту в исторических исследованиях, что объясняется целым комплексом факторов – растущей критикой теории модернизации, культурным поворотом в историографии, обнаружением нормативного и конструктивистского характера «отсталости», утратившей статус «объективной реальности», постколониальными исследованиями и провинциализацией Европы, в результате чего прежние масштабы и ориентиры для измерения степени отставания оказались утраченными.

Вместе с тем Хильдермайер принимает попытку переосмыслить и вновь ввести в оборот термин и концепт «отсталости», огульный отказ от которого как от категории, якобы изобретённой историками для нормативного измерения прошлого с позиции сегодняшнего дня, лишает исследователя возможности понять ключевой мотив российских реформаторов, начиная, по крайней мере, с Петра I, считавших свою страну отсталой и стремившихся с этой отсталостью покончить. Автор предлагает отказаться от нормативного понимания термина «отсталость», отделив его от понятия «модернизация», и применять в качестве не окончательного диагноза, а инструмента для анализа содержательно и хронологически ясно ограниченных феноменов. Он пытается реализовать своё предложе-

ние, приведя два «каталога» процессов во взаимоотношениях России с Европой. Первый из них, «хронологический», кратко перечисляет основные этапы в отношениях к Европе. Второй, «систематический», предлагает терминологию форм восприятия европейских достижений. В зависимости от характера использования европейского опыта автор предлагает различать «рецепцию», «ассимиляцию», «абсорбцию», «субституцию», «позитивную интеграцию», «перекрещивание». Характер и степень усвоения европейского опыта зависели от исторического контекста – от сферы западных достижений и от эпохи, в которую осуществлялся трансфер европейского опыта. При таком подходе «отсталость» может трактоваться как важный, но частный момент в отношениях с Европой, а меры к её преодолению – как этапы сближения с Европой. В таком случае, считает Хильдермайер, сам этот термин может стать незаменимой аналитической категорией для понимания российской истории.

Чтобы оценить новую монографию профессора Хильдермайера, следует сопоставить её с его более ранним фундаментальным трудом³, выделив общие черты обеих работ и специфику рецензируемой, и таким способом попытаться обнаружить особенности позиции автора и, шире, – основные тенденции в развитии международной историографии. Прежде всего, обе книги отличает детализированное и добротное систематизированное описание событий и процессов, соответственно, советской и российской истории, что сказалось на объёме монографий. Их невозможно прочитать на одном дыхании, и они не входят в круг увлекательного чтения, но могу сказать на основании собственного опыта: обе монографии являются прекрасным справочным пособием и подходят для организации учебного процесса по русской истории.

Во-вторых, в обоих случаях автор проложил такие границы объекта исследования, которые сделали его произведение лёгкой добычей критики со стороны коллег по историческому цеху. Подобно тому, как в монографии о советской истории СССР рассматривается в границах РСФСР, в рецензируемой книге дорево-

люционная Россия ограничена «областью восточнославянского расселения и господства» (S. 25), т.е. территорией государств-преемниц Киевской Руси плюс приобретениями Московского царства западнее Урала. Тем самым автор фактически отказался от рассмотрения имперской проблематики и анализа литературы на эту тему, изданной в последние годы. Ситуация усугубляется тем, что не только Россия, но и Европа представляется в рецензируемой монографии как некий монолит – именно так, как её понимали западнически и особенно славянофильски ориентированные русские интеллектуалы. Это делает проблематичным освобождение проблемы взаимоотношений России с Европой от клише нормативного подхода к «русской отсталости». Сам Хильдермайер объяснил сведение имперской истории к национальной, характерное для историографии XIX – начала XX в., невозможностью в одном томе объять необъятное и предпочтительностью ориентироваться в исследовании российской истории на взгляд из центра.

В-третьих, автор в обоих случаях избрал довольно конвенциональный подход к анализу и изложению материала, отдав предпочтение классической политической и социальной истории, дополненной привычной историей материальной и духовной культуры, которая, как в дореволюционных многотомниках по истории России и советских вузовских учебниках, излагается в рецензируемой книге в конце больших хронологических разделов.

Однако в этом пункте можно заметить и различия в подходах к «культурному повороту» в исторической науке и к его плодам в двух монографиях Хильдермайера. В отношении советской истории автор уделит специальное внимание актуальным попыткам интерпретировать историю XX в., прежде всего сталинизма, с точки зрения истории повседневности, опыта и сознания⁴. На моё критическое замечание 13-летней давности о том, что «миру представлений и опыта внимание уделяется не в той мере, в какой это было заявлено автором при постановке проблем⁵, он справедливо возразил, что «такой историографии в отношении Советского Союза не существует... Несущее

ствующее нельзя и синтезировать. Может быть, через двадцать лет это удастся восполнить»⁶. Этот аргумент, вполне правомерный применительно к состоянию изучения истории СССР на рубеже XX и XXI вв., в отношении истории России до 1917 г. был бы недостаточен и тогда, а тем более десятилетием позже, когда свет увидели десятки книг об истории повседневности, опыта, эмоций, пространства и гендера. Тем не менее кроме нескольких лапидарных упоминаний о «культурном повороте» в исторических науках, читатель не найдёт в книге немецкого историка информации о состоянии культурной истории России.

Нетрудно заметить и ещё одно различие в обращении с историографией интересующих Хильдермайера проблем. Автор «Истории Советского Союза» ориентировался почти исключительно на западные исследования. В контексте недоверия к качеству идеологически выверенной советской историографии это не вызывало удивления. В «Истории России» историографический фундамент составляют, напротив, труды дореволюционных русских историков, обогащённые интерпретационными формулами западных историков 40–50-летней давности – будь то критика П. Грегори «теории отсталости» А. Гершенкрона, формула «общество как государственное мероприятие» Д. Гайера или «двойная поляризация» российского общества (низы – либеральная элита – самодержавное государство) Л. Хеймсона.

Тем самым заявление автора монографии о том, что его книга должна «включать исследовательские интересы и методы последних десятилетий» (S. 24), представляется не вполне адекватным содержанию работы.

Чем объяснить такое дистанцирование Хильдермайера от культурно-исторического инструментария и наследия последних десятилетий? Во-первых, становление его как историка пришлось на эпоху взлёта в ФРГ социально-исторических исследований и сам он сделал научную карьеру как социальный историк. Он остаётся верен этому направлению историографии, в связи с чем читатель книги особенно выигрывает, познакомившись с сюжетами по истории XVIII – начала

XX в., которым он посвятил специальные исследования: с историей городского населения, российской индустриализации, «еврейского вопроса», революционного движения. Во-вторых, перспективы культурной истории сегодня выглядят менее оптимистично, чем в 1990-х гг., когда гёттингенский учёный писал «Историю Советского Союза». Эпоха постмодерна, в контексте которой выросла историография, готовая к эксперименту, к поиску «эффекта реальности», к рефлексии и самоиронии, закончилась 11 сентября 2001 г., сменившись нарастающим по мере обострения глобальных конфликтов давлением на историческую науку со стороны государств и обществ, которые вновь, как на протяжении XIX и большей части XX в., требуют от историка одной-единственной правды. Традиционная политическая и социальная история соответствуют этому ожиданию куда больше исследований, взрослых на «культурном повороте». Не исключено, что это подспудно также повлияло на предельно скромные позиции культурно-исторической перспективы в исследовании, в котором первостепенные для новой культурной истории проблемы *восприятия* Европы и европейского опыта заявлены как центральные. В-третьих, достижения культурной истории и её инструментарий в значительной степени уже освоены традиционной политической и социальной историей. Не случайно вопросы восприятия и поведения российских социальных групп – предмет истории культуры в антропологическом смысле слова – рассматриваются Хильдермайером в главах о состоянии и тенденциях развития российского общества.

Итак, подведём итоги. Перед нами – фундаментальный, добротный обобщающий труд по истории России до 1917 г., вышедший из-под пера историка с огромным исследовательским опытом. В качестве подробного и удобного, систематически составленного справочника эта

книга окажет услугу не только любителю истории, но и профессионалу. Автор предлагает освободиться в интерпретации одной из центральных проблем российской истории – отношений с Европой – за счёт освобождения от клише о «русской отсталости», в котором Европа играет роль нормативного масштаба и ориентира. То, что отказаться от проблемы «отсталости» историки не смогут из-за того, что представление о ней сидело в головах российской элиты и побуждало её к действиям как минимум в последние три века российской истории, совершенно очевидно. Но можно ли сделать понятие «отсталость» полезным концептом без оценочных коннотаций, используя понятие «Европа» так, как пользовались им исторические акторы – как интеллектуальную формулу и представление о некоем монолитном образцовом регионе? На этот вопрос я бы ответил отрицательно. Но он достоин дальнейшей дискуссии, и книга М. Хильдермайера вносит в неё серьёзный вклад.

Примечания

¹ *Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998.*

² См., например: *Hildermeier M. Die sozialrevolutionäre Partei Russlands: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln, 1978; idem. Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt a/M, 1989; и др.*

³ Мою позицию в отношении «Истории Советского Союза» М. Хильдермайера см. рец.: *Нарский И.В. Хильдермайер М. История Советского Союза, 1917–1991: Возникновение и падение первого социалистического государства // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 163–166.*

⁴ См.: *Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion... S. 740–754.*

⁵ *Нарский И.В. Указ. соч. С. 165.*

⁶ Цит. по: *Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 20.*